

СОКРОВИЩА
МИРОВОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

ВОЛЬТЕР

ФИЛОСОФСКИЕ ПОВЕСТИ
И РАССКАЗЫ, МЕМУАРЫ И
ДИАЛОГИ

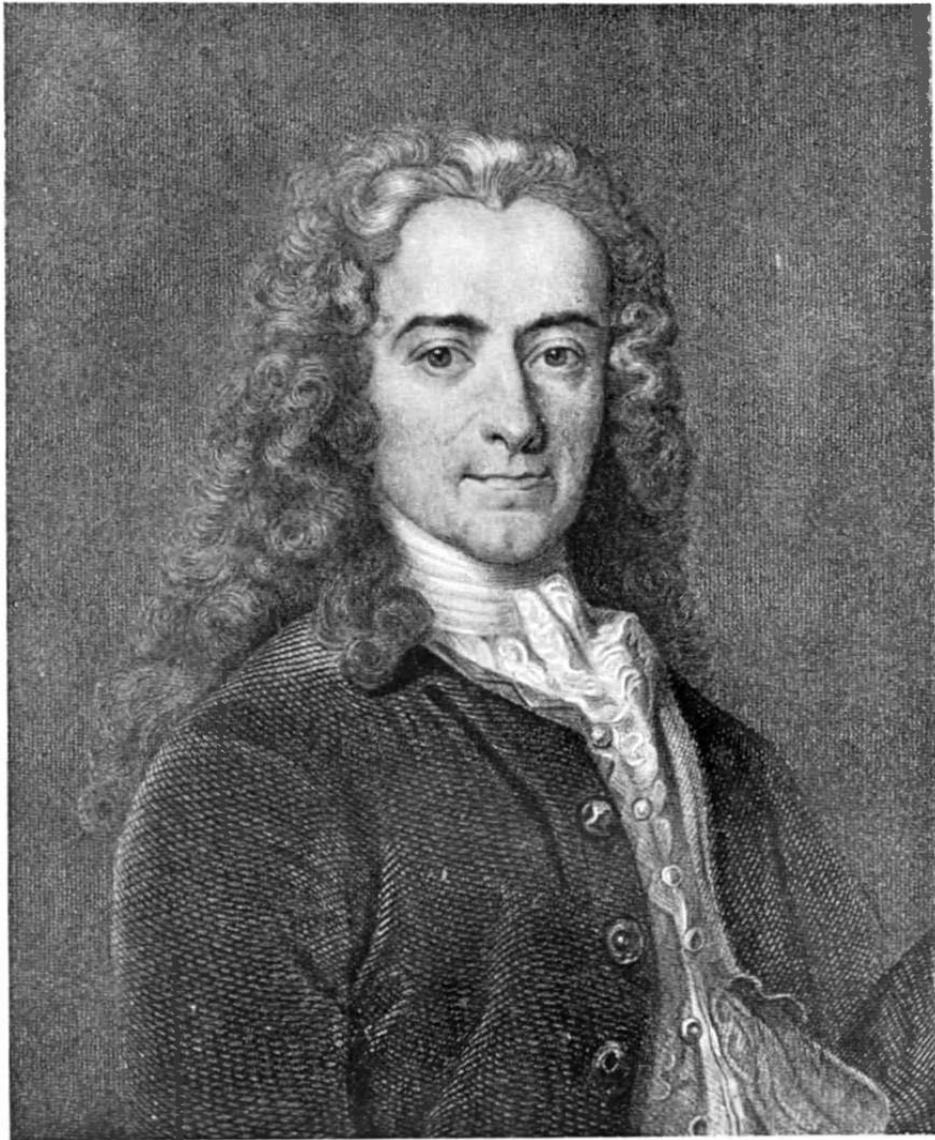
I

“ А С А Д Е М І А ”

1 9 3 1

Ф. М. АРВЭ ДЕ ВОЛЬТЕР

ВОЛЬТЕР

ТОМ: I

ФИЛОСОФСКИЕ
ПОВЕСТИ и РАССКАЗЫ

ЗАДИГ * МИКРОМЕГАС
КАНДИД * ПРОСТАК
ЦАРЕВНА ВАВИЛОНСКАЯ

ПЕРЕВОД ПОД РЕДАКЦИЕЙ
А. Н. ГОРЛИНА И П. К. ГУБЕРА
ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ
П. С. КОГАН

" А С А Д Е М И А "

МОСКВА · ЛЕНИНГРАД

1 9 3 1

ОРНАМЕНТАЦИЯ КНИГИ
ХУД. В. М. КОНАШЕВИЧА

Ленинградский Областлит № 64830.
Тираж 5000 Зах. 8381. Гос.
тип. „Ленингр. Правда“,
Ленинград, Социали-
стическая улица,
т. № 14

ФРАНСУА-МАРИ АРУЭ ДЕ ВОЛЬТЕР

(21 ноября 1694 г. — 31 мая 1778 г.).

I

Настоящее имя Вольтера было: Франсуа-Мари Аруэ. Он родился в 1694 г. и умер в 1778 году. Его жизнь и деятельность принадлежат той великой эпохе, когда французская буржуазия готовила свержение дворянской монархии. Революция вспыхнула через одиннадцать лет после смерти Вольтера. Его считают величайшим из тех писателей XVIII века, которые подготовили умы к революции.

Чтобы понять огромное значение литературной деятельности этого гениального человека, напомним вкратце о ходе классовой борьбы в десятилетия, предшествовавшие взрыву 1789 года. Эти десятилетия были отмечены необыкновенным расцветом торговли и промышленности, вместе с которыми росло могущество буржуазии. В то время как дворянство выпускало из своих рук нити управления хозяйственной жизнью страны, буржуазия становилась фактическим ее руководителем. В стране существовали разные слои собственников, не принадлежавшие к привилегированному сословию и в то же время выполнявшие важнейшие функции в экономике тогдашней Франции. Капиталисты и финансисты, наживавшие миллионы на откупах, на поставках для армии и владевшие концессиями на торговлю с Индией; менее богатые negociants и промышленники таких крупных городов.

как Бордо, Нант и Лион; наконец, рантье, жившие доходами с процентных бумаг, т. е. кредиторы государства, все эти группы населения играли такую крупную роль, что их развитием обеспечивалось дальнейшее развитие самой страны. А между тем интересы буржуазии всюду приходили в столкновение с существующим режимом. Государственная система была построена на принципе политического неравенства. Рядом с буржуазией существовали два сословия, которые пользовались привилегиями. Эти сословия были: родовитое дворянство и духовенство. Таким образом французский народ состоял из трех сословий, из которых два, составлявшие меньшинство населения, пользовались сохранившимися от эпохи феодализма большими правами и преимуществами, а все остальное население, т. е. все те, кто не принадлежали к двум высшим сословиям, население, объединявшееся под именем третьего сословия, было лишено этих прав.

Дворяне являлись полными хозяевами в своих поместьях, они сохранили в ряде областей право суда, они не платили податей, которые платило остальное население. «Податной» — это слово было не только экономическим, но и морально-психологическим термином. Оно обозначало как бы человека низшей породы. Дворяне пользовались привилегиями по сбору винограда и продаже вина, облагали поборами крестьян, захватывали земли, опираясь на суд, который они сами же и творили.

В таком же привилегированном положении находилось и духовенство. Епископы и аббаты не платили податей, церковь обладала огромной политической властью и громадными территориальными богатствами, которые были освобождены от поземельного налога. Духовенство имело право продавать вино, изготовляемое из его винограда, беспошлинно и даже не подвергаясь контролю акцизного ведомства. Не трудно представить, какой страшной да-

держивающей силой являлись все эти привилегии для дальнейшего роста промышленности и торговли. Самые предприимчивые люди на каждом шагу наталкивались на конкуренцию со стороны вырождавшихся веселящихся придворных кутил. При покупке ли земли, при устройстве ли фабрики, в коммерческом ли предприятии, они сталкивались с людьми, которые не должны были платить пошлин и налогов там, где буржуа приходилось учитывать всевозможные поборы, — с людьми, которые были избавлены от каких бы то ни было хлопот и формальностей там, где буржуа окружали тысячи затруднений и препятствий. Церковь и дворянство стояли препоной на пути прогресса. Буржуазия не могла двигаться вперед, пока существовали привилегии двух высших сословий. В это время интересы буржуазии совпадали с делом свободы, и история выдвинула буржуазию в качестве вождя освободительного движения. Передовая буржуазная литература ощущала дворянские привилегии прежде всего, как моральную неправду, как насилие над человеческой личностью, как попрание естественных прав человека, как поругание человеческого достоинства. Этому немало содействовали распушенность аристократии и нетерпимость и фанатизм церковников. Дворяне не только обирали народ, они не хотели садиться за один стол с представителями третьего сословия. Церковь не только желала беспощадно получать доходы с своих виноградников, она душила всякое проявление свободной мысли. Она преследовала протестантов, она угрожала ученым и философам, при чем лишь в редких случаях ей не удавалось добиться содействия светских властей. Между тем, буржуазия нуждалась в свободе исследования, в развитии науки и техники для своего экономического роста и успехов промышленности. Таким образом борьба буржуазии против церкви и дворянства в своем философском и

художественном выражении превращалась в борьбу за свободу совести, за свободу мысли и человеческой личности. Только после революции стало ясным, какие свободы оттаивали откупщики и рантье. Но в те времена капиталисты боролись против государственного строя, который одинаково давил все живые и творческие силы страны.

II

В этой социальной обстановке развертывалась литературная деятельность Вольтера. Он был величайшим выразителем этой молодой воинствующей буржуазии; он был наделен всеми ее инстинктами, ее слабостями и ее героическими качествами. С людьми, привыкшими к преимуществам с момента рождения, вступили в борьбу люди, добывавшие эти преимущества своей энергией, умом, инициативой, знаниями и изобретательностью. Неудивительно, что эти новые люди были сильны, честолюбивы и упорны в борьбе. Им нужна была прежде всего свобода для борьбы, для проявления своих дарований. Завоевав себе положение, они ценили его и кичились им, так как были обязаны им только себе. Их любовь к почестям, их жажда богатства и славы не походила на феодальную гордость старого дворянства. Там была традиция, здесь — захват, там — привычка, почти равнодушные, здесь — ясное сознание ценности завоеванных преимуществ. Вольтер прежде всего воплощение своего века в этом смысле. Он — сын века, утвердившего закон свободного соперничества и конкуренции, закон захвата в качестве основного закона жизни. Он — завоеватель. Если он — защитник свободы, если он гениальными сарказмами ниспровергал устои прошлого, традиции, авторитет, религию привилегии, то делал это потому, что его

инстинкт властного и предприимчивого буржуа требовал простора, требовал освобождения от всех пут для проявления силы и творчества новых господ положения. Он был пропитан духом буржуазного класса, его жадностью, его инстинктивным пренебрежением к массам, не сумевшим завоевать себе положение, наконец, его явным влечением к разлагающейся аристократии, за которой все еще оставалась наследственная гордость, привычка к командованию, наследственные земли и богатства. Но с другой стороны, ему же принадлежат и лучшие качества буржуазии героического периода ее истории, когда она шла во главе европейских народов, вела их к новой капиталистической индустриальной форме производства, представлявшей высшую ступень экономического развития по сравнению с остальными земледельческими и ремесленными формами. Ее классовые интересы совпадали с делом свободы, а их осуществление вело неизбежно к уничтожению цепей, сковывавших живые общественные силы. Выступления буржуазии рассеивали в то время атмосферу тьмы и невежества, разбивали предрассудки, открывали беспредельные перспективы человеческому гению. Он принадлежит этой буржуазии, готовившейся к таким техническим победам, которые не знало предшествующее человечество, которые должны были поразить мир чудесами открытий и изобретений. Отсюда сочетание бесчисленных противоречий в этом человеке, который одновременно защищал равенство всех людей и в то же время боялся дать власть и свободу народным массам, который издевался над церковью, но боялся уничтожить бога и старался сохранить его авторитет и идею его бытия в глазах народа. Вольтер жил и писал в тот период истории буржуазии, когда ее освободительная роль скрывала ее инстинкты, которые должны были обнаружиться после ее победы. Вот почему в сознание потомства Вольтер пере-

шел в качестве борца за свободу, в качестве великого разрушителя основ «порядка», в качестве опасного безбожника. «Это уж так самим богом устроено, и вольтерьянцы напрасно против этого говорят», замечает гоголевский городничий. Так думала вся Европа, — вольтерьянство почиталось восстанием против бога и учрежденного им порядка.

В действительности Вольтер теперь на историческом отдалении представляется значительно более умеренным, чем он казался своим современникам. Самая его жизнь была во многих отношениях типичной историей молодого буржуа, пролагающего себе дорогу к влиянию и богатству. Он был сыном нотариуса в Шатле, переселившегося позднее в Париж, где он получил место в счетной палате. В иезуитском коллеже, где воспитывался будущий писатель, он сблизился с молодыми аристократами, и уже здесь приобрел себе популярность своими остроумными сатирическими стихотворениями. Ему едва минуло двадцать лет, когда его посадили в Бастилию за сатирические стихи, направленные против регента. Некий шевалье де Роган, которого также задел Вольтер, избил его палкой. Вызов на дуэль, посланный Вольтером, был встречен насмешкой, и таким образом сын буржуа, которого за его беспокойный нрав снова посадили в Бастилию, мог убедиться на собственном опыте в прочности существующего режима. Уже в эти годы Вольтер шел к своей карьере всеми доступными ему путями. Он завязывает связи, он наблюдает сильных мира сего, свою первую трагедию «Эдип» он посвящает жене регента, от которого получает подарок. После столкновения с де Роганом Вольтер уезжает (в 1726 г.) в Англию, страну, где буржуазия уже пользовалась огромным влиянием и где Вольтер познакомился с учением Локка, изучил английских поэтов Шекспира и Мильтона. Английская

наука и философия оказали на него огромное влияние, так же как и на других философов просветительного века во Франции. В еущности Вольтер и другие французские писатели XVIII в. были только великими популяризаторами идей, которые зародились в Англии, и эти идеи они распространили по всему миру. В 1729 г. Вольтер возвращается во Францию, где издает «Письма об Англии», этот пламенный гимн Англии, ее учреждениям, этот одновременно злой памфлет на феодально-клерикальную Францию. Издателя «Писем» посадили в Бастилию, книга была сожжена рукой палача, а сам Вольтер, спасаясь от преследований, нашел убежище у маркизы де Шатле, в ее поместье Сирей на границе Лотарингии, где он провел более десяти лет в обществе этой выдающейся женщины, делившей с ним его труды.

В эти годы Вольтер продолжает завязывать связи. Он не стесняется льстить сильным мира сего, пишет пьесу по случаю свадьбы дофина в 1745 г. и получает звание камергера. Он, враг неравенства, обличитель дворянских привилегий, однако с практицизмом истинного буржуа сам добивается дворянского звания. Раз оно является силой, раз оно лишнее оружие в борьбе за успех, Вольтер не отказывается захватить и это оружие. Он добивается места в Академии и, зная, какую огромную роль играют иезуиты в этом вопросе, он стремится завоевать их расположение. Тот самый Вольтер, который больше всех писателей сделал для уничтожения авторитета церкви и для дискредитирования духовенства, пишет письмо одному священнику: «Если когда-либо под моим именем была напечатана хоть одна строчка, которая доставила огорчение хотя бы одному сельскому дьячку, то я готов перед лицом церкви разорвать эти строчки. Я хочу жить и умереть мирно в лоне католической церкви. никого не огорчая, никому не вредя, не утверждая ни одного мнения.

могущего кому-либо показаться предосудительным». Итак, Вольтер стал академиком, придворным поэтом, писал оды в честь короля и пьесы для его развлечения. Не следует, однако, думать, что Вольтер был просто карьеристом, беспринципным льстецом, что он торговал своим цером. Вольтер знал цену своим высокопоставленным друзьям, и в своих лучших творениях он оставался верен себе и тем передовым идеям, которые выдвинула его эпоха, и часто необдуманная выходка, выдававшая презрение свободолюбивого поэта к придворной жизни, приводила к разрыву с теми аристократами, которых расположение Вольтер добыл с таким трудом и энергией.

III

Своеобразный характер союза монархов и философов особенно ярко вскрывается в истории отношений Вольтера и Фридриха Великого. Этот прусский король, познакомившись с Вольтером, был очарован его остроумием и гениальностью. Когда в 1749 г. умерла госпожа де Шатле, Вольтер согласился, наконец, переехать в Берлин ко двору Фридриха, который давно уже приглашал к себе знаменитого писателя. В Берлине Вольтер сначала был осыпан милостями и получил звание камергера. Но вскоре между ним и королем начались разногласия. Причин было не мало. Есть основание думать, что Вольтер использовал свое пребывание у прусского короля для того, чтобы информировать свое правительство о некоторых политических тайнах. Но есть и причины другого порядка, бросающие тень на репутацию автора «Кандида». Он был замешан в одной некрасивой спекулянтской истории, с целью наживы, принял участие в сомнительной афере, запрещенной прусскими законами. Наконец, Вольтер, на обязанности которого, между прочим, лежало

исправление, в смысле стиля, рукописей короля, не раз позволял себе насмешки над литературными произведениями своего коронационного друга. В 1753 году, после трехлетнего пребывания в Берлине, Вольтер покинул Германию. Так потерпела фиаско эта наиболее яркая попытка союза между монархом и философом.

Покинув прусского короля, Вольтер тщетно пытался завоевать себе расположение французского двора. Но в придворных кругах хорошо помнили злой язык философа. То удовольствие, которое доставляло его остроумие, не могло искупить язвительных насмешек, которыми он клеймил сильных мира сего. В 1755 году Вольтер, обладавший уже крупными средствами, переселился в Швейцарию, где купил себе имение Ферне, которое вскоре приобрело мировую известность. Он был теперь независим, богат, пользовался беспримерным авторитетом, переписывался с папой и большинством европейских монархов, к его слову прислушивались государственные деятели всех стран. Когда по проискам иезуитов был колесован гугенот Калас, обвиненный в убийстве своего сына, будто бы хотевшего перейти в католичество, Вольтер привел в волнение весь цивилизованный мир своими пламенными филиппиками против фанатизма, своей горячей защитой идеалов терпимости и свободы совести. Три года Вольтер вел упорную борьбу за пересмотр дела Каласа и, по его собственным словам, за это время ни разу улыбка не появлялась на его лице. В конце концов дело было пересмотрено, честь несчастного мученика, яввшего жертвой изуверства, была восстановлена, а семье его было выдано тридцать шесть тысяч ливров в возмещение понесенного ею материального ущерба.

Именно фернейский период имеется в виду, когда говорят о Вольтере, как о великом борце против тьмы, против предрассудков, фанатизма и всех форм тирании и на-

силія. Писатель, которому был запрещен въезд в Париж, был главой международной республики мыслителей, республики интеллигентов всей Европы. Несмотря на запрещение, в 1779 году 84-летний Вольтер решил приехать в Париж. Само собой разумеется, что парижская полиция не осмелилась вспомнить о неотмененном запрещении. Но король и правительство, епископы и аббаты были сильно встревожены появлением престарелого писателя. Все силы старого порядка заволновались при одной мысли, что Вольтер может переселиться в Париж. Дни, проведенные им в Париже, послужили поводом к небывалым овациям. Когда он приехал в Академию, все академики вышли ему навстречу, и он был тут же избран председателем на ближайшую сессию. При его выходе из Академии толпа обнажила головы. В театре, где шла его пьеса, при появлении Вольтера в ложе, публика устроила бурную овацию, в ложу вошел артист и возложил на голову писателя венок, на сцене вся труппа окружила бюст Вольтера и увенчивала его лавровыми венками, артистам не давали начинать их роли, прерывая каждое слово новыми овациями. При выходе из театра, карету Вольтера сопровождала с факелами огромная толпа. Вольтер не вынес этих волнений. Он умер в том же году 30-го мая.

Но и после его смерти правительство и король не перестали волноваться. Прах великого обличителя оставался страшной угрозой притеснителям. В церковном погребении Вольтеру было отказано. И после своей смерти Вольтер продолжал возбуждать ненависть реакционных сил, остался знаменем революции, — лучшее свидетельство того, что приговор истории клонился в его пользу. И в массе противоречий, отметивших путь Вольтера, итог получился с перевесом в сторону положительных, а не отрицательных сторон его жизни.

IV

Переходя к литературной деятельности Вольтера, следует прежде всего сказать несколько слов о его философских и социально-политических взглядах. В своих религиозно-философских воззрениях он был деистом. Сущность этого учения заключается в признании существования бога, но в отрицании откровения, как источника его познания. Бога следует постигать разумом. Отсюда вытекало то следствие, что философы, люди разума, должны были занять место духовенства, в качестве толкователей воли и намерений бога, в качестве толкователей истины. В те времена деизм был передовым учением, огромным шагом вперед по сравнению с поповским учением об откровении. На практике деистическое учение позволило Вольтеру бороться с главным злом эпохи — с нетерпимостью и религиозными гонениями. Деизм вырывал духовное руководство человечеством из рук церковных изуверов и передавал его людям разума, он объявлял истину предметом человеческого суждения, разрешал свободу мысли и совести в той области, в которой до того человек приводился к истине кострами и колесованиями.

Из рационализма Вольтера вытекало и его политическое учение, — теория просвещенного абсолютизма. Выражаясь парадоксально, его религиозно-философским идеалом был философ, человек разума на папском престоле, его политическим идеалом был философ на королевском троне. Идея народоправства была чужда Вольтеру даже в тех скромных пределах, в каких допустил ее Монтескье в своей теории разделения властей. В политических воззрениях Вольтера еще сильнее, чем в философских, сказались его принадлежность к богатой

буржуазии и его связи с высшей аристократией. Буржуазия ненавидела дворянство, и через одиннадцать лет после смерти Вольтера она устроила великую революцию руками «народа», т. е. крестьянства, ремесленников, городской бедноты и т. д. Но буржуазия вовсе не собиралась передать власть в руки народа. Она, как мы знаем, лишит дворянство его привилегий, но завоюет власть для себя. Она создаст новые привилегии, правда, основанные не на родословном дереве, а на предпринимательском гении, на инициативе и энергии, отлившихся в форму капитала, но привилегии, которые лягут на «народ», как называли в XVIII веке крестьянство и беднейшие группы городского населения, лягут не менее тяжелым игом, чем привилегии дворянства. Вольтер — плоть от плоти этой буржуазии. Его идеалы построены на культе сильных, предприимчивых и владеющих знаниями людей. В его глазах равенство и свобода в значительной степени есть свобода конкуренции, право каждого на равные условия в этой борьбе. Ему принадлежат знаменитые выражения по адресу народа, которые навсегда останутся позорным пятном на его имени. «Я боюсь, говорил он о крестьянах, что эта категория людей никогда не найдет ни времени, ни способности учиться. Мне кажется даже необходимым, чтобы существовали невежественные люди. Если бы вам, как мне, пришлось возделывать землю, вы, конечно, согласились бы со мною. Когда червь принимается рассуждать, все погибло». Или: «Народ всегда груб; это быки, которым нужны ярмо, погонщик и корм». И в своих доказательствах бытия бога он исходил, между прочим, из той идеи, что поддерживать веру в бога необходимо в интересах общества. Рассказывают, что Вольтер однажды попросил своих гостей не говорить против бога в присутствии своего лакея. «Я вовсе не хочу, чтобы он завтра

зарезал меня», т. е. Вольтер был убежден, что народ пельзя отвратить от преступлений иначе, как путем религии. Ему принадлежит известный афоризм: «Если бы бога не было, его необходимо было бы выдумать».

V

Свои идеи Вольтер проводил в самых разнообразных литературных формах. Он был блестящим публицистом, автором замечательных памфлетов, писал лирические стихотворения, трагедии, повести, поэмы и т. д. Его лирика отличается тем изяществом, грацией и остроумием, которые соответствовали вкусам тогдашнего светского общества. Его многочисленные «Оды», «Стансы», «Послания», «Сатиры», «Басни» и т. д. имели огромный успех. Но используя эти любимые формы, Вольтер влагал в них новое содержание и, в сущности сам того не замечая, являлся их разрушителем. Он воспринял традиции ложноклассической придворной эпохи, но самое выступление его, типичного буржуа, было симптомом разрушения придворных вкусов и рожденной ими классической литературы. Старыми формами он пользовался для обличения фанатизма и деспотизма, которыми держалось господство общества, создавшего эти формы, пользовался для проповеди гуманности, терпимости и свободы. Поэма «Девственница» особенно показательна. Вольтер подверг жестокому осмеянию знаменитую Орлеанскую деву, Жанну д'Арк. Следует вспомнить, как глубоко чтили французы память легендарной девушки, которой приписывалось много чудес и спасение Франции от английского ига. Жанна д'Арк почиталась святой, защитницей и покровительницей Франции. Церковь внушала народу убеждение, что «святая дева» была призвана самим богом, через нее явившим свою милость французскому народу. Совер-

шенно в ином виде представил историю Жанны д'Арк Вольтер. Чудеса, сопровождавшие выступление «Орлеанской девы», изображены в таком виде, что они наносят непоправимый удар, не только легенде, будившей патриотические и религиозные чувства французов, но и самой религии. Вольтер погружает в грязь один из самых чистых женских образов, созданных народным преданием и поэтической фантазией. Девственность и невинность Жанны, которые, по преданию, помогли ей спасти короля и Францию, становились предметом двусмысленных и циничных шуток Вольтера, дали пищу его остроумию и злоязычию. Агитационный характер носила и другая поэма «Генриада», написанная в ложноклассическом стиле. Ее тема — прославление царствования Генриха IV. Но пользуясь этим сюжетом, Вольтер прославил не столько предка Людовика XV, сколько идеал терпимости и справедливости, и герой «Генриады» явился живым укором своим преемникам, при которых насилие и фанатизм достигли таких чудовищных размеров. Поэму пришлось выпустить в Англии, так как во Франции она не могла не встретить всевозможных затруднений. Если в качестве публициста Вольтер выступал обличителем церкви и дворянства, то его поэмы делали то же дело, быть может, еще более верно. Здесь как художник он разрушал церковные святыни самым действенным оружием, самыми действенными средствами при помощи художественных комических образов.

Как драматический писатель, Вольтер был продолжателем классической трагедии, он умел писать для двора, отвечая его вкусам не хуже Корнеля и Расина. В то время как великий современник Вольтера—Дидро уже вывел на сцену честных буржуа, изображал мещанские драмы, разыгрывавшиеся в обыкновенных семьях, в то время как Мерсье доказывал, что забавные происшествия могут слу-

чатся и при дворе, а слезы и трогательные приключения не редки и в хижинах бедняков, Вольтер продолжал соблюдать традиции великих классиков и выбирал для трагедии возвышенные и героические чувства, царей и героев. Как драматурга, его ценили наравне с Расиным, его трагедии имели огромный успех. Сохраняя условности придворного классического театра, Вольтер наполнил свои пьесы новым содержанием: Уже в первой его пьесе «Эдип» знаменитая фраза Иокасты о жрецах, мнимая мудрость которых держится легковерием людей, была стрелой, направленной в католическое духовенство. В «Бруте» — перед нами проповедь политической свободы, в «Магомете» резкое обличение религиозной лжи и даже восстание против всякой религии вообще, так как основанием в религии представляются Вольтеру плутовство и невежество.

VI

Но, несомненно, что из всех художественных произведений Вольтера наиболее жизненными оказались его рассказы. Они до сих пор читаются с неослабевающим интересом, в то время как лирика Вольтера и отчасти его трагедии сохраняют только историческое значение. Рассказы эти блещут остроумием, пересыпаны язвительными шутками и в карикатурных формах изображают пороки современного Вольтеру общества. Остановимся на главных. В одной из лучших повестей «Задиг», Вольтер переносит нас во времена царя Моадбара в Вавилон, который в сущности является современным Вольтеру Парижем. В нем живет молодой человек, по имени Задиг, который, несмотря на свое богатство и молодость, умеет сдерживать свои страсти и был наделен многими замечательными качествами.

Задиг подвергается ряду несчастий и неприятностей за свою правдивость. Однажды он вышел погулять в свое загородное поместье. Эта невинная прогулка послужила поводом для ряда неприятных последствий. Он увидел евнуха королевы с офицерами, в большом беспокойстве бегавших взад и вперед. Оказывается, у королевы пропала ее любимая собака, а из конюшни короля вырвалась его лучшая лошадь. На вопрос евнуха Задиг дал точные указания относительно того, как выглядели и в какую сторону убежали пропавшие животные. Евнух решил, что Задиг украл и лошадь и собаку, и его присудили к наказанию кнутом и к ссылке на всю жизнь в Сибирь. К счастью беглецы нашлись. Суд отменил свое решение, но приговорил Задига к уплате четырехсот унций золота, за то, что он солгал и заявил, что никогда не видал животных, о которых в то же время дал такие подробные сведения. Тогда Задиг объявил, что он действительно никогда не видал «ни уважаемой собаки королевы, ни священной лошади короля королей». Но, обладая необыкновенно точной наблюдательностью, он по отпечатавшимся на песке следам догадался, что это следы маленькой собаки. «Легкие и длинные черты, отпечатавшиеся на небольших возвышениях в песке между лапами, показали мне, говорил Задиг, что это была сука, у которой соски висели, из чего можно было заключить, что она недавно ощенилась. Следы другого рода, бороздившие поверхность песка сбоку передних лап, дали мне знать, что у нее очень длинные уши, а так как я заметил, что под одной лапой песок везде менее взрыт, чем под другими, то я догадался, что собака нашей августейшей королевы немного хромот, если я смею так выразиться». Вольтер выдумал этот эпизод, для того, чтобы одновременно и осмеять французский суд и показать ценность наблюдательности и знаний. Пораженные сметливостью Задига,

некоторые маги объявили его колдуном и требовали его сожжения. Однако, король приказал возратить ему четыреста унций, которые он должен был уплатить по приговору суда. Актуариус, экзекуторы, прокуроры пришли к нему во всем параде возратить его четыреста унций, удержав из них только триста девяносто восемь на судебные издержки. «Задиг увидал, заканчивает этот эпизод автор, как опасно быть иногда слишком наблюдательным, и дал себе обещание, при первом же случае не говорить того, что он видел». Но за это решение он поплатился новым штрафом, так как однажды увидав в окно бежавшего преступника, он молчал на допросе, но был уличен, что в это время смотрел в окно, и был приговорен к уплате пятисот унций. В тех словах, которые влагает автор по этому поводу в уста Задига, слышатся насмешка и горе гражданина страны, жившей в состоянии полного бесправия. «Великий боже, сколько приходится тратить за прогулку в лесу, в котором пробежала собака королевы и лошадь короля. Как опасно подходить к окну и как трудно дается в этой жизни счастье».

В таких комических сценах Вольтер осмеивает весь строй жизни современной ему Франции. В лице Задига он вывел, новидимому, самого себя, и его устами и в его действиях излагает свои излюбленные идеи. Задиг переживает ряд необыкновенных приключений. Восхищенный его мудростью, Моадбар приближает его и делает его своим министром. Вольтер пользуется этим случаем, чтобы нарисовать идеал правления в духе просвещенного абсолютизма. Задиг, говорит он, дал почувствовать всем священное могущество законов, не выставляя на вид важности своего сана. Он не стеснял воли Дивана, и каждый визирь мог высказывать свое мнение, не навлекая на него своей немилости. Когда ему приходилось решать какое-нибудь дело, то судьею

был закон, а не его личная воля, когда законы были слишком строги, он смягчал решения, когда они были недостаточны, то его правосудие создавало новые, которые можно было принять за Зороастровы. От него народы заимствовали это правило, что лучше помиловать виновного, чем осудить невиновного. Задиг был убежден, что законы созданы не только для того, чтобы устрашать граждан, но и для того, чтобы помогать им. Он имел способность открывать истину, которую все стараются затемнить. И автор приводит ряд запутанных тяжб, которые Задиг разрешает с истинно соломоновской мудростью.

Правление Задига — лучшая иллюстрация к системе просвещенного абсолютизма. Все решается абсолютной властью, все блага исходят от мудрости и справедливости неограниченного правителя. И хотя Задиг заявляет, что судьей является закон, а не его личная воля, однако, мы видим, что он вносит большие коррективы в закон, смягчает по своему усмотрению законы, когда они ему кажутся слишком строгими, и «создает новые законы, когда существующие ему представляются «недостаточными». Словом, его правление в итоге сводится к личному усмотрению. Но Вольтер допускал абсолютизм при условии, что правителем является правитель мудрый и справедливый, т. е. стоящий на высоте современной философской мысли.

На протяжении всего романа мудрость Задига противопоставляется глупости и невежеству ложных правителей и мудрецов. Так, например, однажды поднялся большой спор о законе Зороастра, запрещавшем есть грифов. «Как можно запрещать есть грифов, говорили одни, когда такого животного не существует». «Оно должно существовать, потому что Зороастр запрещает его есть». Задиг примирил их, сказав: «Если есть грифы, то

мы не станем их есть; если же их нет, то тем более. Таким образом мы все исполним закон Зороастра». Еще в более комической форме изображает Вольтер церковную казуистику. Уже 1500 лет длится в Вавилоне великий спор, разделивший всех граждан на две противоположные партии, из которых одна утверждала, что в храм Митры должно вступать непременно левой ногой; другая глумилась над этим обычаем и вступала правой. Ожидали торжественного праздника священного огня, чтобы узнать, к какой стороне примкнет Задиг. Все устремили взоры на его ноги, и весь город был в волнении и ожидании. Задиг вошел в храм, прыгнув обеими ногами, и затем красноречиво доказал, что для бога, неба и земли, у которого нет лицемерия ни для кого, не может быть предпочтения ни правой, ни левой ноге. Добившись престола в Вавилоне, Задиг осуществил идеал просвещенного монарха, и повесть оканчивается следующими словами: «Государство наслаждалось спокойствием и славой и процветало. То был лучший век на земле: ею управляли справедливость и любовь. Все благословляли Задига, а Задиг благословлял небо».

VII

Другая повесть Вольтера «Кандид», пользующаяся особенно широкой популярностью, принадлежит к числу наиболее глубоких и острых сатир, направленных против католической церкви. Самое заглавие ее «Кандид или оптимизм» заключает в себе тонкую иронию. Наш мир лучший из миров, да и может ли он быть не лучшим, если им управляет господь бог, как известно «всеблагий», не имеющий другой задачи кроме блага людей. Как бы ни были тяжелы страдания человека, он должен знать, что все они ведут к его благу. Пусть

земля залита потоками крови, наполнена стонами и слезами, пусть люди истребляют друг друга в бессмысленных войнах, пусть процветает эксплуатация и тунеядствующее меньшинство поглощает плоды тяжелого труда миллионов, человек не должен роптать и протестовать, потому что ему не дано знать о неисповедимых путях, которыми бог ведет ко благу. Содержание этой повести заключается в необычайных приключениях молодого человека Кандида и его воспитателя Панглоса, который преподавал «метафизико-теолого-космолого-нигдологию». Этот учитель был необычайным оптимистом и превосходно доказывал, что нет следствия без причины и что в настоящем мире, лучшем из всех возможных миров, замок господина барона, где жили Панглосс и Кандид, лучше всех замков, а баронесса лучше всех баронесс. «Дознано, говорил он, что все есть, как есть, и ничего иначе быть не может, чем оно есть, ибо все создано для известной цели, и следовательно для самой лучшей цели. Так, носы созданы для того, чтобы носить очки, и вот почему мы носим очки; ноги очевидно существуют для штанов, и действительно мы носим штаны. Камни созданы для тесания, для постройки замков, и вот у вашего прекрасного замка, оно и понятно, знатнейшему барону приличествует лучшее помещение; а вот свиньи, так те сотворены для того, чтобы их ели, и мы круглый год едим буженину. Значит, глупо говорят, что все хорошо, надо говорить, что все превосходно». Приключение Кандида начинается с того, что барон выгоняет его из замка, поймав его за ширмами в то время как Кандид целовался с его дочерью Кунигундой. С тех пор и Панглосс, и Кандид могли бы на горьком опыте убедиться, что мир, в котором им приходится жить, принадлежит к числу самых ужасных и отвратительных во всем мире. Они видят войну, где воюющие стороны

истребляют друг друга, грабят и сжигают, насилуют женщин, после чего оба короля служат в лагерях благодарственных молебны. Потеряв все, голодный, Кандид просит милостыню у важных особ, но все они отвечают ему, что если он будет продолжать заниматься этим ремеслом, то его посадят в исправительный дом, чтобы проучить.

Однажды он обратился к человеку, который только что целый час говорил в большом собрании о милосердии. Этот оратор покосился на него и сказал: «Вы за правое дело?» — «Всякое дело право, скромно отвечал Кандид, потому что все имеет свои причины и всякая причина имеет свои следствия, все связано между собою и все устроено к лучшему. Видно, нужно было, чтобы меня выгнали от Кунигунды, прогнали сквозь строй, а теперь мне нужно просить милостыню, пока не научусь работать; все это не могло быть иначе». — «Дело, любезнейший, в том, сказал ему оратор, веришь ли ты, что папа антихрист?» — «Не слышал, отвечал Кандид; но антихрист ли он или нет, а у меня хлеба нет». — «Ты не достоин есть, сказал ему оратор, ступай, без денег, ступай, негодяй, не смей никогда подходить ко мне». Жена оратора, выглянув из окна и услышав, что человек сомневается, что папа антихрист, вылила ему на голову полный...». Далее Кандид еле спасается после кораблекрушения, при котором погибли почти все пассажиры. Он узнает, что во время войны болгарские солдаты изнасиловали его возлюбленную Кунигунду, распороли ей живот, раскрыли голову самому барону, который хотел защитить ее, изрубили в куски баронессу, разрушили до основания замок, уничтожили амбары, овец, уток, деревья, но что этот поступок не остался не отомщенным, потому что авары также распорядились в соседнем поместье. принадлежавшем барону.

Образцом художественной сатиры Вольтера может служить то приключение Кандида, о котором рассказывается в VI главе. После землетрясения, разрушившего три четверти Лиссабона, туземные мудрецы решили, что лучшее средство предотвратить окончательную гибель города состоит в том, чтобы дать народу зрелище прекрасного ауто-да-фе. Коимбрский университет полагал, что церемониальное сожжение нескольких человек на медленном огне есть самое верное средство помешать земле трястись. Вследствие этого схватили одного бискайца, изобличенного в браке с кумой, и двух португальцев, которые ели шпигованного цыпленка и оставляли пипиг. Бискаец и двое не любителей свиного сала были сожжены. В тот же день земля опять тряслась с страшным грохотом.

Подобно тому, как «Задиг» является жестокой сатирой на судебные и административные порядки, царившие во Франции при старом порядке, так «Кандид» — злая сатира на католическую церковь и на ее учение о благодати божьей. История Кандида должна была бы убедить его как раз в противоположном и заставить согласиться с мнением одного из героев этой повести, что бог предоставил земной шар на произвол какого-нибудь злого существа. Он не видал города, который не желал бы гибели соседнему городу, не видал семьи, которая не желала бы беды другой семье. Всюду слабые ненавидят сильных и в то же время пресмыкаются перед ними, сильные же обращаются со слабыми, как со стадом, с которого продают шкуру и мясо. Миллион патентованных убийц рыщет по Европе из конца в конец, систематически занимаясь грабежом и убийством, они добывают себе этим хлеб, потому что более честного ремесла не знали. В городах, где, повидимому, царствует спокойствие и процветает искусство, люди гораздо более тер-

заяются завистью, заботами и беспокойством; чем осажденные города ужасными войнами.

Повесть заканчивается словами Панглосса, который, несмотря на все пережитое, остался неисправимым оптимистом. «Все тесно связано в этом лучшем из миров, если бы вас не выгнали из прекрасного замка пинками за любовь к Кунигунде, если бы вас не арестовала инквизиция, если бы вы не побродили пешком по Америке, не ранили шпагой барона, не потеряли ваших баранов из прекрасного Эльдорадо, то теперь не ели бы тыкв и фисташек».

VIII

Действие «Задига» и «Кандида» происходит в экзотических странах, чаще всего на Востоке. Писатели XVIII века часто прибегали к этому приему. В лице вавилонского царя и его министров легче было оеменить французское правительство, чем выбирая сюжет из жизни современной Франции. Фантастическим сюжетом Вольтер воспользовался и в более ранней своей повести «Микромегас». В центре ее житель Сириуса великан Микромегас, который вместе с жителем Сатурна совершает путешествие на землю. Микромегас был ростом восемь лье. Попав на землю, путники решили сначала, что земля необитаема, они наклонялись, ложились, везде ощупывали, но их руки и глаза не соответствовали крошечным существам, которые здесь пресмыкаются, и путешественники не получили ни малейшего ощущения, которое могло бы заставить их подозревать, что на земле живут люди. Только, когда житель Сатурна поймал своим мизинцем кита и положил его на ноготь большого пальца, Микромегас расхохотался над чрезвычайной микроскопичностью этого уродца. Затем Микро-

мегас схватил нечто уже более значительное. Это был корабль с группой ученых, возвратившихся из полярной экспедиции, Вольтер в комических красках изображает поднявшийся на корабле переполох. Пассажиры и корабельная прислуга, полагая, что они унесены ураганом и выброшены на какую-то скалу, крайне переполошились. Матросы, выкатив винные бочки, выбросили их на руку Микромегаса и за ними бросились сами. Геометры, забрав свои квадранты, секторы и бывших с ними лапландских девушек, тоже спустились на его пальце. Постепенно, при помощи микроскопа, Микромегасу удалось разглядеть людей, и он даже догадался, что они разговаривают между собой. Чтобы не оглушить маленьких букашек, великаны вложили в рот зубочистки, тонкий конец которых приставили к кораблю, и заговорили шопотом. Люди не могли понять, откуда исходили эти слова. Корабельный священник в страхе стал читать заклинательные молитвы, матросы — ругаться, а ученые сочинять теории, но, несмотря на все теории, они все-таки никогда не могли отгадать, кто с ними говорил. В конце концов между великанами и людьми завязываются сношения, они начинают слышать и понимать друг друга.

Вольтер пользуется этим гулливеровским сюжетом для проведения своих любимых идей. Великаны приходят в восхищение от необыкновенных способностей в знании таких ничтожных козявок. Особенно поражает их, когда геометры при помощи своих приборов с совершенной точностью определяют размеры обоих гостей. Они не сомневаются, что эти крошечные существа, заключающие в себе так мало вещественного и состоящие, по видимому, почти из одного духа, вкушают на своей земле самые чистые радости, проводят всю свою жизнь в любви и размышлении, потому что настоящая жизнь

духа не может быть иною. Микромегас, никогда не видевший счастья, убежден, что он, наконец, нашел его здесь на земле. Эту идею о том, что люди, наделенные от природы разумом и знаниями, могли бы сделать жизнь на земле прекрасной и содержательной, Вольтер искусно вкладывает в уста обитателей других планет для того, чтобы ярче оттенить людское безумие, чтобы показать, во что превратили люди землю. На замечание Микромегаса о духовности человечества, люди сообщают ему такие сведения, которые приводят его в глубочайшее изумление. «В нас всегда найдется вещества слишком много для того, чтобы делать зло, если только оно происходит от вещества, и слишком много духа, если оно зависит от духа. Знаете ли вы, например, что в эту минуту, когда мы с вами разговариваем, сто тысяч глупцов в шляпах режутся со ста тысячами таких же глупцов в чалмах и что так ведется почти на всей земле с незапамятных времен». Когда житель Сириуса ужаснулся и спросил о причинах таких ужасных раздоров между столь ничтожными животными, то разговаривавший с ним философ ответил, что причиной борьбы служит в сущности несколько кучек грязи, величиной с пятку Микромегаса (имеется в виду русско-турецкая война 1736—1739 гг. и Крым, служивший яблоком раздора между обеими государствами). И ни одного комка грязи не достается ни одному из глупцов, которые убивают друг друга. Ни те, ни другие никогда не видели и, может быть, никогда не увидят той землишки, из-за которой идет война. Далее великаны узнают, что люди, занимающиеся наукой, согласны между собой относительно двух или трех положений, которые они понимают, и спорят о двух или трех тысячах, которые им не понятны. На вопрос Микромегаса об идеях, господствовавших среди людей, философы стали приводить раз-

ные системы, — один — Аристотеля, другой — Декарта, третий — Мальбранша, четвертый — Лейбница, пятый — Локка. Великаны из всех ответов удовлетворились только философией Локка. Обитатель Сатурна даже хотел обнять последователя этого учения, но ему помешала несоразмерность роста.

Прошло более полутора века с тех пор как Вольтер умер. За это время борьба за освобождение человечества приняла другие формы. Эксплуатируемые классы взяли дело борьбы в свои собственные руки. Люди разума не могут решать дела народа без самого народа, как думал Вольтер. И тем не менее, когда у нас после победы пролетариата было решено увековечить барельефами великих предшественников нашей революции, имя Вольтера было названо в числе первых. Это понятно. Пока существуют тьма и невежество, пока служители церквей всех исповеданий еще отравляют сознание миллионов проповедью нетерпимости и человеконенавистничества, пока существуют привилегии и праздное меньшинство, живущее на счет трудящихся масс, творения этого великого бунтаря и насмешника останутся чтимыми и нужными книгами человечества.

П. С. Коган.